

К. Г. ИГОШИН,

старший научный сотрудник отдела научно-просветительной
работы Музея-панорамы «Бородинская битва»

Персидский дар

Музей-панорама «Бородинская битва» располагает значительной коллекцией артиллерийских орудий, представленных главным образом стволами трофейных пушек, захваченных у различных контингентов Великой армии в 1812 году. В этом ряду выделяется единственное орудие, имеющее не только ствол, но и подвижную (ходовую) часть — лафет и передок.

Визуальный анализ этого орудия позволяет выявить три признака, на основании которых можно предположить его нестандартное, требующее изучения происхождение:

1. Ствол орудия имеет характерные признаки единорога, то есть орудия, производившегося почти исключительно в России.
2. При этом лафет орудия не типичный для России двухстанинный, а однобрусный (моноблочный), что позволяет предположить его иностранное происхождение.
3. На стволе присутствует пояснительная надпись, в значительной степени раскрывающая его происхождение и указывающая на его уникальность; согласно этой надписи орудие было изготовлено персидскими мастерами в 1827 году в Тебризе.

Несмотря на то что за время, в течение которого орудие находится в коллекции музея, предпринимались попытки исследований и создания его описания, каких-либо сведений в научный оборот введено не было. В учетных документах рассматриваемый объект лаконично значится как «пушка горная с лафетом и зарядным ящиком»¹, что не только не

проливает свет на вышеозначенные особенности, но и противоречит результатам внешнего осмотра.

Все это привело к тому, что экспонировавшееся на протяжении многих лет орудие до сих пор не имеет четкой атрибуции и обросло легендами. Представляется целесообразным провести научную атрибуцию, а также выяснить историю происхождения и бытования всех элементов этой уникальной артиллерийской системы.

В ходе предпринятого изучения удалось установить, что данное орудие является частью коллекции, которая в настоящее время рассеяна по ряду музеев. Кроме того, выяснено, что ствол орудия и его ходовая часть имеют разновременное происхождение.

В настоящей работе представлены результаты изучения ствола орудия. Поиски сведений о происхождении лафета и передка продолжаются.

Изучаемый ствол² по основным признакам сходен с русским полевым 3-фунтовым единорогом «системы 1805 года», иначе именуемой «аракчеевской»³ (см. рис. 1; фото 1, 2). В то же время в его конструкции присутствует целый ряд существенных отличий, которые позволяют считать его самостоятельным образцом оружия, созданным на основе российского 3-фунтового единорога.

Единорог — гладкоствольное орудие, разработанное в России в середине XVIII века и состоявшее на вооружении российской армии до середины XIX века. Принципиальными отличиями единорога от пушки являются меньшая длина ствола при большем калибре, а также коническая камора для размещения заряда. Такое устройство канала ствола позволяло вести огонь всеми типами снарядов, в том числе и по навесной траектории, а также давало возможность значительно снизить массу ствола, следовательно, облегчить конструкцию лафета и всей системы в целом. Единороги в российской армии использовались в качестве длинноствольных гаубиц. В современной классификации такое орудие относится к гаубицам-пушкам или пушкам-гаубицам, то есть орудиям, сочетающим возможности обоих типов (орудиям комбинированного типа).

Состояние ствола хорошее. Механические повреждения, за исключением многочисленных мелких царапин, отсутствуют. Поверхность ствола в труднодоступных местах имеет характерное потемнение — окисление темного цвета с зеленым оттенком, что позволяет предположить, что ствол сделан из «артиллерийского металла», иначе называемого «артиллерийской бронзой» (более 90 % меди, около 10 % олова). В России такие орудия в первой половине XIX века назывались просто медными.

Поверхность разделена на три основные части — дульную, среднюю (вертлюжную) и казенную (торельную). Казенная часть имеет характерную для единорогов коническую форму. Исследования канала ствола при помощи деревянного щупа и визуальный осмотр с использованием осветительных приборов показали наличие именно конической каморы⁴.

Большая масса и сложная конфигурация конструкций орудия не позволяют произвести все измерения с абсолютной точностью. Тем не менее даже округленные результаты весьма показательны.

Канал ствола имеет диаметр чуть более 82 мм. Длина ствола приблизительно 1000 мм. Диаметр поверхности ствола меньше принятого в России, что при сохранении калибра делает орудие более тонкостенным и на целый пуд снижает его вес — 90 кг вместо 108–109 кг.

Торельный пояс, как и должно быть у единорогов, имеет значительно больший диаметр, чем идущая на конус казенная часть ствола. Торель заканчивается шишкообразным приливом — винградом без украшений, под которым прилиты две параллельные петли (ушки) для скрепления с винтовым подъемным механизмом лафета. Такое устройство подъемного механизма в первой половине XIX века характерно в первую очередь для английской артиллерии, а не для русской. Более того, именно единороги были конструктивно в меньшей степени приспособлены для винтового подъемного механизма, так как при выстреле излишне облегченная казенная часть единорога подсакивала вверх, разрушая механизм и лафет⁵.

Запальное отверстие диаметром около 7 мм высверлено в затравочном поясе вертикально. Затравочный и торельный пояса значительно шире принятых в русской артиллерии, при этом между ними отсутствует декоративный поясок. Данное отличие несущественно для произведения выстрела, но в совокупности с прочими отличиями еще раз подчеркивает разницу между изучаемым стволом и стволом российского 3-фунтового единорога.

Прицельные механизмы или следы их крепления отсутствуют. На поверхности ствола на дульном и торельном поясах в верхних точках есть малозаметные продольные насечки.

Дельфины выполнены без каких-либо украшений. Цапфы (вертлюги) имеют небольшие скругленные заплечики, увеличивающие ширину орудия в вертлюжной части в сумме на 13 мм, или почти на 8 частей. Данная деталь также нехарактерна для русских орудий. Более того, из-за наличия заплечиков изучаемое орудие затруднительно расположить на стандартном отечественном лафете для 3-фунтового единорога.

3-фунтовые единороги использовались в российской полевой артиллерии «системы 1805 года» в качестве полковых орудий егерских полков. Организационно они входили в состав батареинных рот артиллерийских бригад полевой артиллерии. В 1819 году не оправдавшие себя в боевом применении 3-фунтовые единороги были сняты с вооружения. Однако они продолжали активно и успешно использоваться на Кавказе и в восточных гарнизонах страны в течение всей первой половины XIX века. Их часто именуют «горными единорогами», что не вполне верно⁶.

Горными называют артсистемы, которые могут перевозиться во вьюках. Горная артиллерия как таковая в России появилась только в 30-е годы XIX века. До учреждения собственно горной артиллерии во многих европейских странах, включая Россию, для ведения войны на пересеченной местности и в горах зачастую использовались полевые орудия малого калибра, а соответственно и массы, иногда с некоторыми модификациями в устройстве лафета и передка⁷.

Никаких технических особенностей в устройстве рассматриваемого орудия (ствола, лафета и передка), которые позволили бы отнести его к горной артиллерии, нет.

Ключ к ответу на вопрос о происхождении орудия находится в гравированных на русском языке и на фарси надписях, присутствующих на поверхности ствола.

Гравировка на русском языке расположена сверху на вертлюжной части за дельфинами (к торели). Она заключена в восьмиугольную рамку и гласит:

«Вылито во время
пребывания Россійско
ИМПЕРАТОРСКИХЪ
войскъ въ тавризь
1 Декабря 1827⁸
персидскими мастерами»

Гравированная надпись на фарси в фигурной виньетке расположена на конце дульной части (к торели).

هو
هنگام توقف
سپاه امپراطور اعظم
در تبریز بود در ۲۶ ماه
جمادی الاول ریخته
شد ۱۲۴۳

Надпись переводится следующим образом: «Во имя Аллаха! Когда пребывание войска Императора Великого в Тебризе было, в 26-й [день] месяца Джумади-ль-Аула отлито. 1243 [год]»⁹.

В целом оба текста по смыслу идентичны. Есть небольшое разночтение в датах. Современные конвертеры дат показывают, что 26 Джумади-ль-Аула 1243 года лунной хиджры соответствует не 1, а 2 или 3 декабря 1827 года по старому стилю.

Российские войска оказались в Тебризе зимой 1827 года в результате победоносного наступления в ходе Русско-иранской войны 1826–1828 годов.

С целью вернуть себе потерянные в результате поражения в Русско-иранской войне 1804–1813 годов территории в Восточном Закавказье, пользуясь большим численным превосходством, войска наследного принца Аббаса-Мирзы летом 1826 года вторглись в пределы Российской империи. Но уже к зиме того же года вой-

И. Ф. Паскевич

скам Отдельного Кавказского корпуса после ряда побед удалось переломить ситуацию, и в кампанию 1827 года боевые действия велись уже на территории Персии.

По взятии 1 (13) октября¹⁰ 1827 года Эривани основными силами российской армии во главе с генералом от инфантерии Иваном Федоровичем Паскевичем 6-тысячный отряд под командованием генерал-лейтенанта князя Георгия Иессеевича (Евсеевича) Эриванского был отряжен в направлении столицы Южного Азербайджана — Тебриза, или, как его тогда называли в России, Тавриза.

Тавриз был не только административным центром Южного Азербайджана, не только столицей владений Аббаса-Мирзы — главного виновника войны с Россией, но и промышленным центром, обеспечивавшим персидскую армию оружием и боеприпасами. В этом городе находились арсенал, пороховой и литейный заводы. Здесь под руководством английских военных специалистов формировалась персидская регулярная армия. Руководил обороной города один из зачинщиков войны зять и верховный министр Фетх-Али-шаха Алаярхан. Занятие Тавриза стало для русских вопросом первостепенной важности.

Операция по захвату города была разработана помощником начальника штаба корпуса полковником Николаем Николаевичем Муравьевым, который осуществлял фактическое руководство отрядом князя Эриванского. 13 (25) октября без сопротивления город был взят российскими войсками. Часть персидского гарнизона бежала при приближении российских войск, часть была обезоружена жителями Тавриза, не желавшими переживать ужасы бомбардировки и штурма. Алаярхан был взят в плен. Вместе с ним в распоряжение русских попали пять инженерных офицеров из персиян, учившихся в Англии, и все мастера¹¹.

Для удержания в большом городе порядка отряда князя Эриванского было недостаточно. Но русские получили поддержку от первосвященника Тавриза Мир-Феттаха (Ага-Мир-Феттах), усилиям которого не в последнюю очередь обязаны были и бескровным занятием города. Мир-Феттах организовал систему самоуправления и проводил политику сотрудничества с русским гарнизоном. Основываясь на опыте предыдущих войн, он рассчитывал на присоединение Тавриза к Российской империи. В результате, когда все же решено было оставить Южный Азербайджан Персии, опасаясь преследований со стороны персидских властей, Мир-Феттах покинул Тавриз и переселился в Россию, где был назначен духовным главою всех шиитов в Закавказье¹².

Н. Н. Муравьев

В ряду актов проявления лояльности по отношению к России, принятых Мир-Феттахом, была отливка нескольких орудий в память побед русского оружия. Английский доктор Уиллич (*Willich*), состоявший при английской военной миссии в Тавризе, в своем дневнике в записи от 22 октября (3 ноября) сообщает: «Главному оружейнику принца Аббас-Мирзы, Ага-Мохаммед-Али, приказано выковать ключи для тавризских ворот (хотя ворота эти не имеют замка); каковые ключи предполагается представить императору. Равным образом предполагается вылить четыре пушки в память взятия Аббас-абада, Сердар-абада, Эривани и Тавриза. На каждой из этих пушек будет выгравировано название одной из означенных местностей»¹³.

В начале декабря орудий было отлито не четыре, а семь¹⁴, правда, в гравированных на них надписях никакие захваченные города, кроме Тавриза, не упоминаются.

Персидские литейщики не в первый раз копировали иностранные образцы артиллерийских орудий. Например, в коллекции Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи в Петербурге есть трофейное персидское орудие, отлитое в конце XVIII или в начале XIX века и являющееся конструктивно копией русского единорога¹⁵ (см. фото 3). Принимая во внимание, что в рассматриваемое время английское влияние в Тавризе было особенно велико и что регулярная артиллерия Аббаса-Мирзы была укомплектована британскими орудиями, не приходится удивляться, что подъемный механизм орудий был выполнен по английским образцам.

Точных сведений о том, как орудия были доставлены из Тавриза в Тифлис, пока разыскать не удалось. В то же время есть основания предполагать, что орудия и прочие трофеи были доставлены под охраной Лейб-гвардии Сводного полка особым обозом вместе с выплаченными персами по условиям Туркманчайского мира первыми восемью курурами золота (16 миллионов рублей серебром). По крайней мере от Тифлиса до Москвы орудия доставлялись именно с этим обозом.

Лейб-гвардии Сводный полк был сформирован в начале 1826 года из нижних чинов и офицеров гвардии, «неволью впавших в проступок» 14 (26) декабря 1825 года. В состав полка вошли второй батальон Лейб-гвардии Гренадерского полка и три роты второго батальона Лейб-гвардии Московского полка, а также некоторое число людей из учебного Карабинерного полка. Командиром полка был назначен полковник Лейб-гвардии Преображенского полка Иван Павлович Шипов 2-й¹⁶.

В конце зимы 1826 года полк был отправлен на Кавказ для участия в отражении нападения персиян, чтобы «смыть вину кровью». Как гвардейская часть он принимал участие не только в боевых операциях, но и в официальных мероприятиях и торжествах, в том числе при заключении мира.

После подписания 10 (22) февраля 1828 года в Туркманчае мира с Персией полк 28 февраля (12 марта) вернулся в Тавриз, где получил приказ доставить в Тифлис персидское золото. В состав конвоя вошли лейб-гвардии сводный полк, Нижегородский драгунский полк и четыре орудия конно-артиллерийской № 13 роты. Командовал отрядом полковник Шипов 2-й. 3 (15) марта обоз выступил из Тавриза в Тифлис¹⁷. Несмотря на весеннюю распутицу, отряд благополучно добрался до места назначения. По всей видимости, в пути артиллерия отряда была заменена на 1-ю полубатарейю легкой № 2 роты Кавказской гренадерской артиллерийской бригады¹⁸. 11 (23) апреля отряд торжественно церемониальным маршем вступил в Тифлис, где был встречен командиром Кавказского корпуса генералом от инфантерии И. Ф. Паскевичем-Эриванским. Доставленные грузы были сданы в интендантское ведомство¹⁹.

К этому времени в Тифлисе уже был получен Высочайший приказ от 15 марта 1828 года, который гласил: «Десница Всевышнего увенчала подвиги Ваши достославным для России миром! Праведность дела нашего восторжествовала; храбрость российских войск укротила надменность врагов, воздала им за несправедное вторжение в наши пределы!» Торжественное вступление в город Лейб-гвардии Сводного полка с трофеями стало триумфом для всех находившихся там войск Отдельного Кавказского корпуса.

Три месяца полк провел, отдыхая и переформируясь. Еще с начала 1827 года во второй батальон стали поступать бывшие солдаты Лейб-гвардии Семеновского полка, отправленные на Кавказ за участие в «Семеновской истории» 1821 года. В начале 1828 года в полк стали поступать бывшие солдаты Лейб-гвардии Московского и Гренадерского полков и Гвардейского экипажа, выключенные из гвардии и

И. П. Шипов 2-й

отправленные на Кавказ за участие в событиях декабря 1825 года. Из этих солдат была сформирована гренадерская рота второго батальона (Лейб-гвардии Московского полка). Во время стоянки в Тифлисе полк был развернут до двухтысячного состава. Для пополнения рядов полка переводились наиболее отличившиеся солдаты Отдельного Кавказского корпуса.

8 (20) июля Лейб-гвардии Сводный полк согласно Высочайшему приказу выступил в Петербург. Перед этим, 2 (14) июля, полковник Шипов 2-й получил приказание тифлисского военного губернатора генерал-лейтенанта Николая Мартемьяновича Сипягина сопрово-

А. Ф. Багговут

ждать до Москвы и Петербурга персидское золото и часть трофеев, захваченных в минувшую войну²⁰. Согласно описи в числе последних находились шесть медных 3-фунтовых единорогов; одна медная короткая пушка, лафет и передок от 6-фунтовой пушки, спереди о двух оглоблях с хомутом и шорами; две картины из Уджанского дворца Аббаса-Мирзы, изображавшие сражения персов с русскими; трон и палатка Аббаса-Мирзы с коврами и разными вещами; три ящика с ружьями и Ардебильская библиотека²¹.

Ответственным за доставку ценностей был назначен «казначей приобретенной от персидского правительства казны» подполковник Нашебургского пехотного полка Коломийцев²². От Лейб-гвардии Сводного полка ответственным офицером был назначен подпоручик Лейб-гвардии Московского полка Александр Федорович Багговут.

В своих мемуарах уже подзабывший детали генерал-лейтенант А. Ф. Багговут пишет: «В начале августа 1828 г. тронулись, имея с собою 70 нанятых перегонных повозок с золотом. Мне поручен был особенный транспорт: он состоял из трона Абас-мирзы, взято в Тавризе, в его дворце, знаменитую известность в ученой азиатской просвещенности ардебильскую библиотеку, разные трофеи — знамена и значки, разного рода редкое оружие, картины, (писанные) масляными красками, огромных размеров, представляющие церемониальные выезды шаха, религиозные процессии, даже мнимые победы, одержанные над

русскими в первые годы владычества России над Грузией, в командование войсками генералами Цициановым и Котляревским; 6 пушек, вылитых на литейном дворе в Тавризе во время пребывания нашего в сем городе»²³.

Обоз двигался благополучно до Георгиевска, но по миновании этого города в Лейб-гвардии Сводном полку началось увеличение больных, которое вскоре стало носить угрожающий характер. 31 августа (12 сентября) по согласованию с наказным атаманом Войска Донского генерал-лейтенантом Дмитрием Ефимовичем Кутейниковым в 25 верстах от Новочеркаска движение было остановлено на восемь дней. На следующий день ценности были доставлены в Новочеркасск и сданы в ведение Кутейникова²⁴.

Выполняя предписание министра финансов генерала от инфантерии Егора Францевича Канкрин, подполковник Коломийцев с персидскими курурами в начале сентября отбыл из Новочеркаска в Санкт-Петербург на почтовых лошадях, поручив доставку трофеев полковнику Шипову 2-му. Все трофеи, кроме трона Аббаса-Мирзы, следовало доставить в Санкт-Петербург, трон — в Москву в ведение главноуправляющего Экспедицией Кремлевского строения и Мастерской и Оружейной палаты действительного тайного советника князя Николая Борисовича Юсупова²⁵. 4 (16) сентября подпоручик Багговут вновь принял их под свою ответственность.

11 (23) сентября Лейб-гвардии Сводный полк выступил из Новочеркаска в Москву, которой достиг к началу ноября.

Накануне торжественного вступления в Москву, пока полк готовился к церемонии, трофеи были отправлены в город. В своем рапорте командиру полка подпоручик Багговут пишет: «По предписанию Вашего Высокоблагородия... зданы... трон Наследника Персидского престола Абаз мирзы, шесть 3 фунтовых единорогов, медная короткая пушка с лафетом с передком, о двух оглоблях и четырех колесах, окрашенная дикаго цвета краскою, и к нему хомут с шорами и мунштуком»²⁶.

По предписанию московского военного генерал-губернатора генерала от кавалерии князя Дмитрия Владимировича Голицына орудия были сданы в ведение московского коменданта генерал-лейтенанта Николая Николаевича Веревкина. Для участия в торжественной церемонии шесть персидских единорогов были установлены на лафеты, предоставленные находящейся в Москве 13-й артиллерийской бригадой, а пушка была установлена «на Персидском лафете запряженном тамошнею сбруею».

Д. В. Голицын

3 (15) ноября Лейб-гвардии Сводный полк торжественно вступил в Москву. Церемония двигалась от Серпуховской заставы к Красной площади. Орудия следовали за полком. На Красной площади князь Голицын пропустил его церемониальным маршем. После окончания церемонии орудия были поставлены для обозрения на Царской (Соборной) площади Кремля.

На следующий день полк был вновь собран в Кремле для слушания благодарственного молебна в Чудовом монастыре.

Во время службы орудия возились «по главнейшим улицам сей Столицы».

5 (17) ноября Лейб-гвардии Сводный полк с оставшимися трофеями продолжил путь в Санкт-Петербург²⁷.

О том, насколько пышно торжествовала Москва в ноябре 1828 года победу над Персией и какую роль в этих торжествах играли «тавризские» орудия, можно судить по известиям, сообщенным в письме П. И. И... и опубликованным в том же году в № 103 «Отечественных записок», издававшихся Павлом Петровичем Свиньиным: «Персидские пушки, в том числе 7 орудий, вылитых в Тавризе во время пребывания в оном российских войск, поставлены были с большою церемониею и при величайшем стечении ликующего народа на Царской площади; также, по назначению Его Императорского Величества, яко воспоминание того, что первая весть о вторжении Персиян в области Российския получена была Государем, в бытность Его Величества в Москве.

Знаменитые трофеи сии были 4 ноября возимы с приличною воинскою почестию и при звуках труб, по главным улицам древней столицы, после чего всем собором принесено было в Чудовом монастыре

благодарственное молебствие Господу Богу при колокольном звоне и пушечной пальбе...

Неумею описать вам того восхищения, которое произвело на всех Москвитян, любящих славу Царя своего, когда победители Персиян стройными рядами, с распущенными знаменами и при звуках военной музыки, вступили в гостеприимные стены древней столицы»²⁸.

Персидские орудия оставались в ведении Московского арсенала до 1851 года, когда последовало Высочайшее повеление передать их в Оружейную палату. Согласно «Описи Оружейной палаты» 1886 года в коллекции музея значатся: «Орудий семь, персидских, вылитых в Тавризе персидскими мастерами в 1827 году. В шести пушках в каждой весу по пяти пудов одному фунту; в последней четыре пуда тридцать три фунта. Лафеты, каждый с двумя колесами, окрашены зеленою краскою»²⁹.

Обращает на себя внимание указанный в Описи вес орудий, который не соответствует действительному. Очевидно, при взвешивании или при записи результатов была допущена ошибка.

Также обращает на себя внимание, что единороги названы пушками, что можно объяснить часто встречающимся использованием слова «пушка» в более широком значении «орудие».

Важно заметить, что данная запись является первым документом, в котором зафиксированы лафеты, являющиеся сейчас неотъемлемой частью коллекции. Предоставленные в ноябре 1828 года лафеты почти наверняка были стандартными двустанинными.

Решение о передаче персидских орудий в Оружейную палату представляется совершенно логичным, так как они являются не столько военными трофеями, сколько дипломатическим подарком, сделанным поверженным противником, а значит, напоминающим о государственном триумфе.

Более полувека коллекция как единое целое хранилась в Оружейной палате. 28 сентября³⁰ 1906 года два орудия из этой коллекции были переданы в Тифлис, в Кавказский военно-исторический музей («Храм Славы»)³¹. Их дальнейшая судьба выясняется.

Бурные события начала XX века, естественно, отразились и на Оружейной палате Кремля. Коллекция неоднократно реформировалась, количество сотрудников сократилось, а сам музей организационно стал относиться к НКВД, позднее КГБ СССР. Доступ в Кремль по соображениям безопасности высших лиц государства был ограничен. Только после 1953 года начались перемены. Наконец, 20 июля 1955 года³² Кремль и его музеи были открыты для свободного посещения. И только

в апреле 1960 года музеи Кремля перешли в систему Министерства культуры СССР.

В мае 1955 года комендант Московского Кремля генерал-лейтенант Андрей Яковлевич Веденин получил из Государственного Бородинского военно-исторического музея письмо за подписью директора музея гвардии полковника Сергея Михайловича Клавдиева с просьбой о передаче во временное или постоянное хранение «некоторых неэкспонируемых реликвий, которые играют для нас весьма важное значение». Среди запрашиваемых экспонатов были и «русские пушки типа «Единорог» с лафетами и зарядными ящиками (тавризские) — 6 штук»³³.

Эта просьба была частично удовлетворена. В конце сентября 1955 года ряд экспонатов из Оружейной палаты, в том числе и «пушки русские легкие кавалерийские типа «Единорог» (тавризские) с лафетами и зарядными ящиками 5 штук», были доставлены на Бородинское поле. 4 августа состоялась официальная передача «во временное пользование сроком до первого требования», оформленная соответствующим актом³⁴. При передаче со стороны Кремля ответственным лицом был представитель Отдела сохранения памятников Московского Кремля подполковник Николай Никитич Захаров.

Четыре из этих орудий были размещены в экспозиции Бородинского музея-заповедника, а одно поступило в экспозицию филиала музея — «Кутузовскую избу» в Филях (см. фото 4).

В 1962 году к 150-летию юбилею Отечественной войны 1812 года был открыт Музей-панорама «Бородинская битва». Согласно приказу Министерства культуры РСФСР от 22 июня 1962 года «Кутузовская изба» со всей экспозицией в ней была передана в ведение нового музея. В числе переданных экспонатов была и «горная пушка, отлитая в Тавризе персидскими мастерами по русским чертежам в 1827 г. с лафетом и передком». Акт передачи датирован 25 июля 1962 года и подписан директором Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника И. И. Пономаревым и директором Музей-панорамы «Бородинская битва» Н. А. Колосовым. Вышеозначенный экспонат поступил на временное хранение³⁵.

Орудие (ствол на лафете) поступило в основную экспозицию музея-панорамы, а передок, упорно именуемый в музейной документации зарядным ящиком, — в запасники (см. фото 5).

Музей-панорама неоднократно обращался с ходатайствами в Министерство культуры СССР о продлении срока временного хранения данного экспоната и получал разрешение. В декабре 1974 года директор

Государственных музеев Московского Кремля Н. Г. Немиров обратился к директору музея-панорамы Н. А. Колосову с требованием «срочно вернуть 74 экспоната, принадлежащих Гос. музеям Московского Кремля и переданных в вверенный Вам музей на временное хранение»³⁶. Реакцией Колосова было обращение к министру культуры СССР П. Н. Демичеву с просьбой передать эти экспонаты музею-панораме в постоянное пользование, так как они «оказывают нам неоценимую помощь в нашей военно-патриотической работе»³⁷.

Из запрашиваемых 74 экспонатов пришлось вернуть четыре, зато остальные были переданы музею-панораме на постоянное хранение. Основанием для передачи послужил приказ по Министерству культуры СССР «О передаче произведений из музеев и Архива художественных произведений Министерства культуры СССР» от 28 марта 1975 года № 171 за подписью заместителя министра культуры СССР В. И. Попова³⁸. Передача состоялась 9 апреля 1975 года соответствующим актом, который подписали главный хранитель Музеев Московского Кремля Н. Н. Захаров и главный хранитель Музей-панорамы «Бородинская битва» П. М. Володин³⁹.

В последующие годы орудие продолжало экспонироваться в залах музея, неизменно привлекая внимание посетителей. Несколько последних лет орудие не экспонируется и находится в частично разобранном виде в фондохранилище музея.

Опираясь на приведенные выше факты, можно с уверенностью утверждать, что изучаемый ствол артиллерийского орудия является стволом персидского легкого орудия, разработанным на основе ствола русского полевого 3-фунтового единорога. Это орудие было изготовлено в Персии в 1827 году в конце Русско-иранской войны 1826–1828 годов и подарено России в ходе переговоров о мире.

Установлено, что орудие, находящееся в нашем музее, некогда относилось к коллекции из семи персидских орудий, подаренных России. В настоящее время эта коллекция рассредоточена по двум отечественным музеям (Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник и Музей-панорама «Бородинская битва»). Два орудия из этой коллекции предположительно находятся в Тбилиси.

Таким образом, восстановлена судьба чрезвычайно ценного предмета, существующего в ограниченном количестве экземпляров и обладающего собственной историей, связанной со значимыми событиями русской истории и именами таких выдающихся исторических деятелей, как: И. Ф. Паскевич-Эриванский, Н. Н. Муравьев-Кавказский,

И. П. Шипов, А. Ф. Багговут, Д. В. Голицын и др. Орудие, а равно и вся коллекция орудий являются одновременно:

- как своеобразный победный трофей Русско-иранской войны 1826–1828 годов — памятником русской воинской славы;
- как особый подарок иностранного государства — памятником истории межгосударственных отношений;
- как уникальная артиллерийская система — памятником инженерной мысли.

В то же время остается пока не выясненной история происхождения орудийного лафета, в котором одновременно сочетаются признаки артиллерийских систем разных стран. Поиск ответов на этот комплекс вопросов продолжается.

Автор выражает благодарность главному хранителю Музея-панорамы «Бородинская битва» И. А. Езерской, хранителю фонда редкой книги Музея-панорамы «Бородинская битва» Н. Ю. Шведовой, главному научному сотруднику Государственного Исторического музея А. А. Смирнову, руководителю сектора современной документации отдела рукописных, печатных и графических фондов музеев Московского Кремля М. К. Павлович, хранителю фонда оружия музеев Московского Кремля А. Н. Чубинскому, специалисту по материальной части артиллерии эпохи Наполеоновских войн А. В. Берназу, специалисту по персидской литературе Р. В. Попову за консультации и помощь, полученные в ходе исследования.

Таблица 1

		3-фун. единорог		3-фун. единорог персидский	
		калибр	часть	калибр	часть
Длина	орудия без винграда	11		11	4
	дульной части	5	24	5	21
	вертлюжной части	3	12	3	20
	казенной части	2	12	2	11
	винграда	1	16	1	3
Толщина стен	в начале дульной части		12		11
	в конце дульной части		18		15
	в начале вертлюжной части		22		20,6
	в конце вертлюжной части		26		24
	в начале казенной части		24		21,5
Расстояние от дульного среза до центра цапф		6		6	

Длина цапф		31		31
Диаметр цапф		32		32
	пуд	фунт	пуд	фунт
Вес	6	25	5	18

Размеры выражены в калибрах (отношение длины или толщины к диаметру канала). У единорогов калибр разделялся на 48 частей. Калибр 3-фунтового единорога — 82,3 мм.

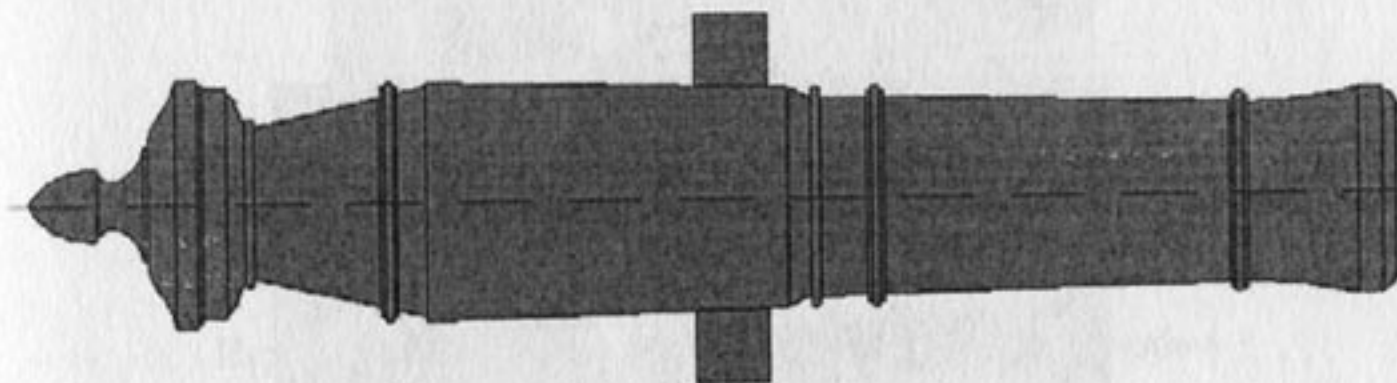

Рис. 1.
Российский 3-фунтовый единорог системы 1805 года с изменениями 1812 года, вид сверху.
Схема создана на основании чертежей, опубликованных А. И. Маркевичем и В. К. Плотто

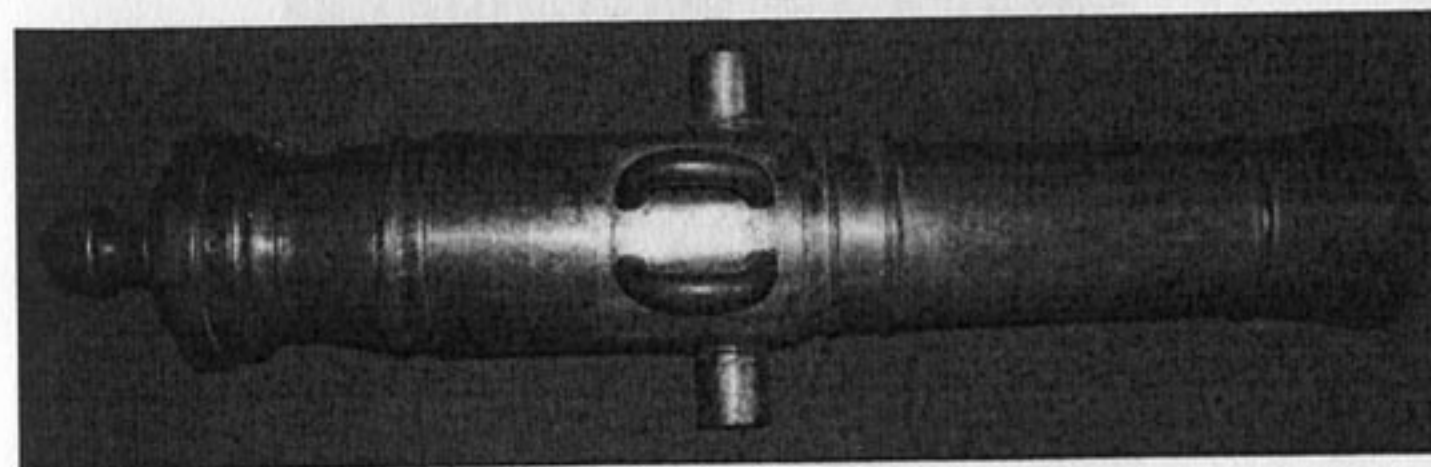

Фото 1.
Персидское орудие, вид сверху.
Музей-панорама «Бородинская битва»

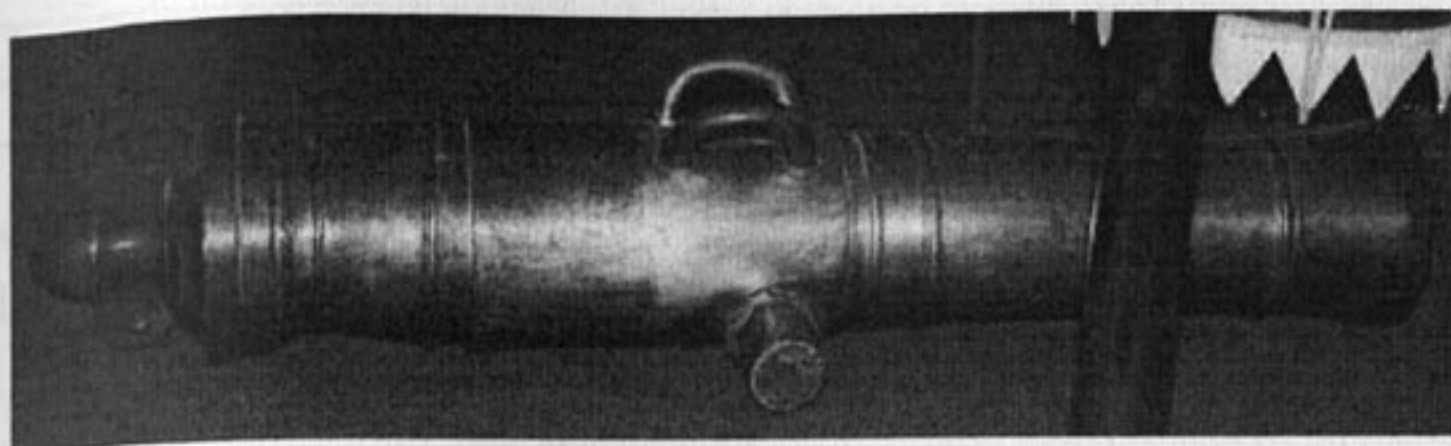

Фото 2.
Персидское орудие, вид сбоку.
Музей-панорама «Бородинская битва»

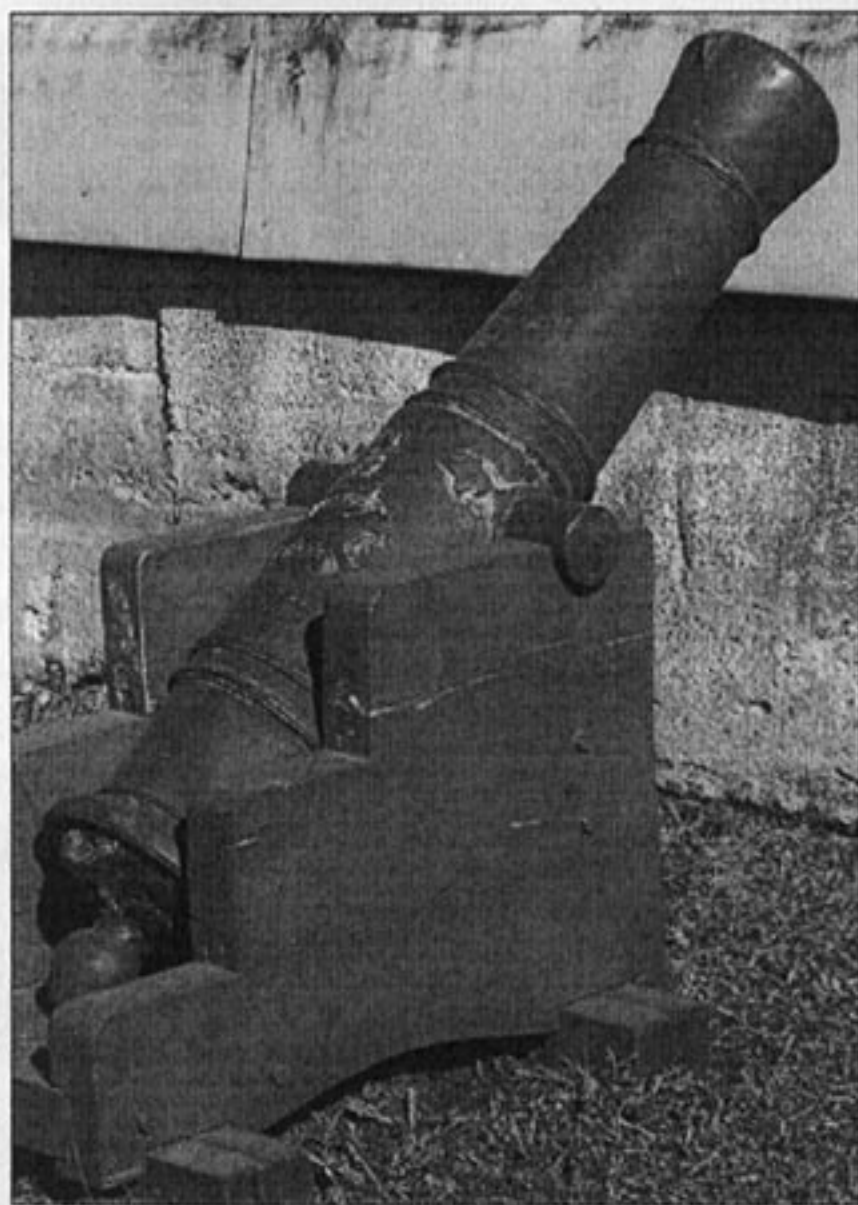

Фото 3.
Персидское орудие из коллекции ВИМАИВиВС.
Фото М. Ю. Алексеева

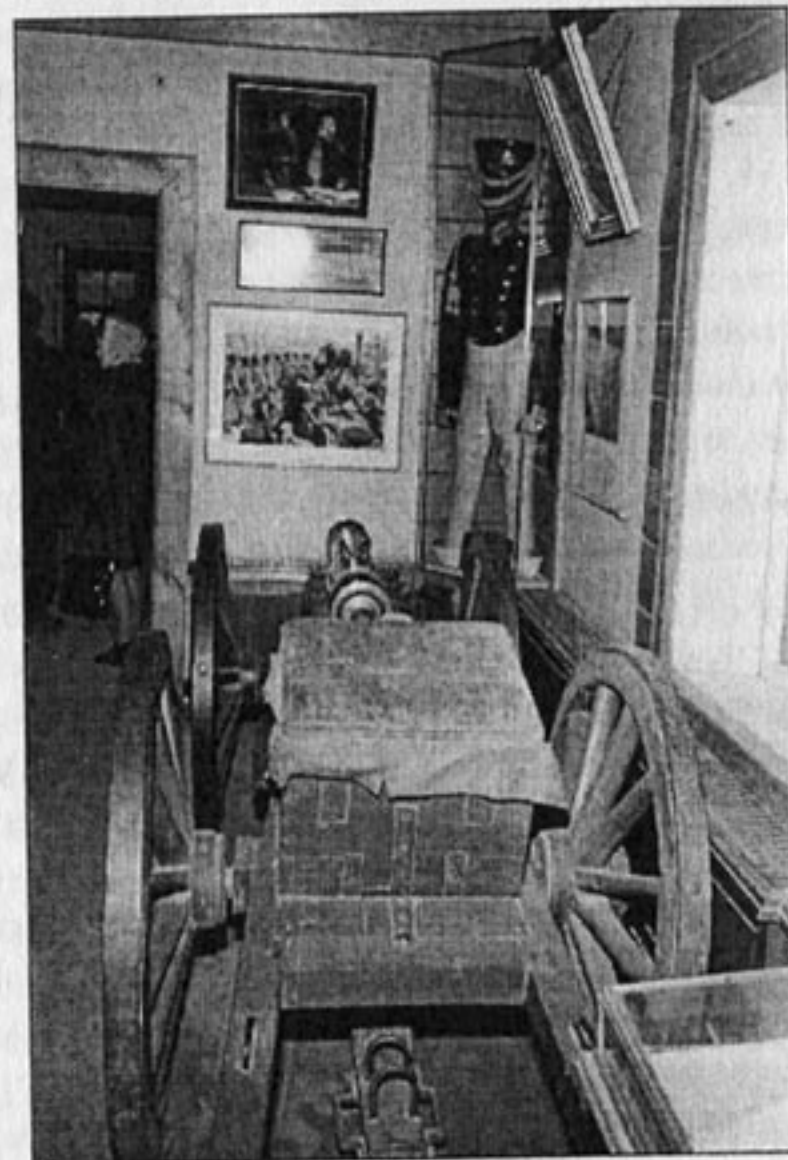

Фото 4.
Персидское орудие в экспозиции «Кутузовской избы»

Фото 5.
Персидское орудие во вводном зале Музей-панорамы «Бородинская битва».
Фото Б. Логинова, А. Маркелова, 1975

Персидский дар

Персидский дар

- ¹ Сектор учета ГУК «Музей-панорама «Бородинская битва». Книга поступлений основного фонда № 1. Инвентарный номер ОФ 2222.
- ² Ствол зарегистрирован под номером ОФ 2222/1, ОР 118.
- ³ Маркевич А. И., Плотто В. К. Чертежи всем легким и батарейным орудиям, их лафетам, передкам, зарядному ящику с гнездами разных калибров и всей принадлежности оных орудий 1805 года. Изд. II. СПб., 1817; Резвый О. П. Артиллерийские записки. Ч. I. СПб. 1844. С. 35.
- ⁴ При обследовании ствола и анализе результатов по возможности использовалась методика, предписанная в «Инструкции для приема артиллерийских орудий», опубликованная в «Артиллерийском журнале» № 4 за 1808 год.
- ⁵ Вессель Е. Х. Учебные руководства для военно-учебных заведений. Артиллерия. Ч. I. СПб., 1851. С. 59, 63; Краткое обозрение состояния артиллерии с 1798 по 1848 год // Артиллерийский журнал. 1852. № 5. Отд. II. С. 90.
- ⁶ Краткое обозрение состояния артиллерии с 1798 по 1848 год // Артиллерийский журнал. 1852. № 4. Отд. II. С. 43; № 5. Отд. II. С. 56, 97; Тучков С. А. Военный словарь. Ч. I. М., 1818. С. 12, 137; Военный энциклопедический лексикон. Ч. I. СПб., 1837. С. 588.
- ⁷ Тучков С. А. Указ. соч. С. 104; Военный энциклопедический лексикон. Т. I. Изд. 2. СПб., 1852. С. 579; Военный энциклопедический словарь. 2-е изд. М., 1986. С. 203.
- ⁸ Следующие слова надписи переходят на казенную часть.
- ⁹ Текст гравирован на фарси почерком «насталик». Первое слово — арабское местоимение «он». В данном случае означает «Бог». Местоимение ставилось в начале документов, особенно если формат не позволял разместить более распространенную заглавную фразу «Во имя Бога милостивого, милосердного». Перевод и пояснения любезно сделаны Р. В. Поповым.
- ¹⁰ Здесь и далее в скобках указаны даты по новому стилю.
- ¹¹ Потто В. А. Кавказская война. Т. 3: Персидская война (1826–1828 гг.). Ставрополь, 1993. С. 432.
- ¹² Зиновьев И. А. Муджтехид-Ага-Мир-Феттах // Зиновьев И. А. Россия и Персия // Русская старина. 1897. Т. 92. С. 79–81.
- ¹³ Дневник доктора Уиллича // Зиновьев И. А. Россия и Персия. С. 78.
- ¹⁴ Именно такое количество персидских орудий, как это будет показано далее, будет транспортироваться в Москву.
- ¹⁵ Бранденбург Н. Е. Исторический каталог С.-Петербургского Артиллерийского музея. Ч. III. СПб., 1889. С. 127. № 190
- ¹⁶ Скрутковский С. Э. Лейб-гвардии сводный полк на Кавказе в Персидскую войну с 1826 по 1828 год. СПб., 1896. С. 10.
- ¹⁷ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 2575. Оп. 1. Д. 688. Л. 267 об.
- ¹⁸ Там же. Л. 188.
- ¹⁹ Там же. Л. 30, 269 об.
- ²⁰ Там же. Л. 217 об., 218.
- ²¹ Там же. Д. 207, 207 об.; Скрутковский С. Э. Указ. соч. С. 51.
- ²² Согласно «Списку генералам, штаб- и обер-офицерам всей Российской армии, с показанием чинов, фамилий и знаков отличия» за 1828 год в Нашебургском

пехотном полку числится подполковник Коломийцов 1-й. В «Списке полковникам по старшинству» за 1838 год полковник Николай Яковлевич Коломийцов 1-й указан командиром Шлиссельбургского егерского полка. Тождественны ли два эти лица, пока не выяснено.

- ²³ Записки А. Ф. Багговута // Русская старина. 1883. № 10. С. 124.
- ²⁴ РГВИА. Ф. 2575. Оп. 1. Д. 688. Л. 38.
- ²⁵ Там же. Л. 206 об., 207, 207 об.
- ²⁶ Там же. Л. 207 об., 208.
- ²⁷ Там же. Л. 224 об., 225.
- ²⁸ И[ванов] П. И. Из Москвы, 7 ноября 1828 г.: О персидских трофеях // Отечественные записки. 1828. № 103. С. 342–343.
- ²⁹ Описание Московской Оружейной палаты. Ч. 5. Кн. 4. М., 1886. С. 343, № 8414.
- ³⁰ Стилль даты неизвестен.
- ³¹ Отдел рукописных, печатных и графических фондов музеев Московского Кремля (далее — ОРПГФ ММК). Ф. 1. Оп. 3. Д. 8. Описание Московской Оружейной палаты. Ч. 5. Кн. 4. Огнестрельное оружие. М., 1886. (архивный экземпляр с научными пометками директора Оружейной палаты Д. Д. Иванова, заметками о выдаче в другие музеи до 1950-х.). Л. 312.
- ³² Здесь и далее все даты даны по новому стилю.
- ³³ ОРПГФ ММК. Ф. 20. Оп. 1956 г., Д. 7. Л. 123, 124. Письмо от 14 мая.
- ³⁴ Там же. Л. 125–132.
- ³⁵ Сектор учета ГУК «Музей-панорама «Бородинская битва». Книга «Получение на постоянное хранение (1962–1976)». Л. 9, 1.
- ³⁶ Там же. Книга «Входящие письма (1974–1976)». Л. 102.
- ³⁷ Там же. Книга «Исходящие письма (1974–1976)». Л. 99, 100.
- ³⁸ Там же. Книга «Получение на постоянное хранение (1962–1976)». Л. 183, 182.
- ³⁹ Там же. Л. 188.